

**ФРАНСИС
ПИКАБИА
КАРАВАН-САРАЙ**

МОСКВА • ГИЛЕЯ

2016

Real Hylaea

Франсис Пикабия
Караван-сарай

«Гилея»

1924

Пикабия Ф.

Караван-сарай / Ф. Пикабия — «Гилея», 1924 — (Real Hylaea)

ISBN 978-5-87987-102-9

Дадаистский роман французского авангардного художника Франсиса Пикабия (1879-1953). Содержит едкую сатиру на французских литераторов и художников, светские салоны и, в частности, на появившуюся в те годы группу сюрреалистов. Среди персонажей романа много реальных лиц, таких как А. Бретон, Р. Деснос, Ж. Кокто и др. Книга дополнена хроникой жизни и творчества Пикабия и содержит подробные комментарии.

ISBN 978-5-87987-102-9

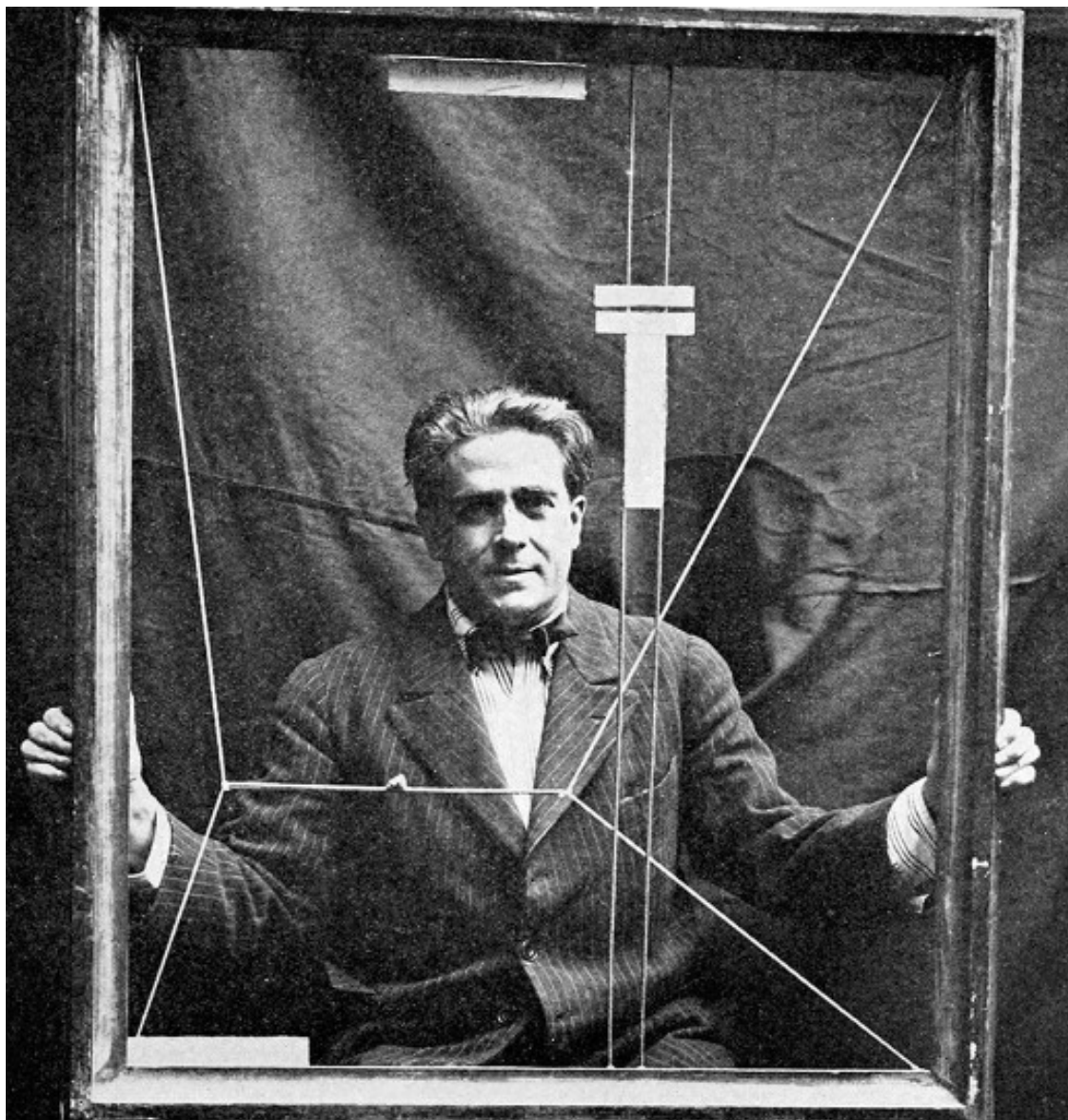
© Пикабия Ф., 1924

© Гилея, 1924

Содержание

«Караван-сарай» Франсиса Пикабия: автопортрет enfant terrible европейского авангарда	6
Караван-сарай	9
1. Дерматин	9
2. Мыльный пузырь	13
3. Непреходящая ингаляция	17
4. Прочь	20
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Франсис Пикабия Караван-сарай

Франсис Пикабия с «Пляской Святого Витта». 1922 год

© Belfond, Un Département De Place Des Editeurs, 2013

© Archives/Mémoire Collection Mémoire Du Livre, 2013

© Сергей Дубин, перевод с французского, вступительная статья, комментарии, примечания, хроника, 2016

© Книгоиздательство «Гилея», 2016

«Караван-сарай» Франсиса Пикабия: автопортрет enfant terrible европейского авангарда

Роман, который читатель держит в руках, как по своей природе, так и в свете ожидавшей его издательской судьбы столь же причудлив и непрост, как и личность его автора – поэта, художника, кубиста, дадаиста, кумира и попутчика сюрреалистов (и вообще испробовавшего чуть ли не все «измы», на которые была так богата первая половина XX века), чей внешний образ франта, балагура и души общества, в неудержимом веселье сжигавшего всё на своём пути («Я всегда подходил к забавам со всей серьёзностью»), порой скрывал мятущегося художника («Между моей головой и рукой всегда стоит образ смерти»).

Неподражаемая смесь светской хроники и летописи парижского авангарда, осмеяния противников и превознесения самого себя (последнее, заметим, с заметной долей самоиронии), эпатажа и фанфаронства с неожиданными вкраплениями обжигающей откровенности: «Караван-сарай» предстаёт идеальным портретом Пикабия, жившего, подобно своим любимым гоночным болидам, на скорости 100 км в час, следовавшего лишь своим капризам, менявшего пристрастия с проворностью, какой позавидовал бы и самый вёрткий флюгер, и вызывавшего восхищение и антипатию, причём порой одновременно у одних и тех же людей. Единственной константой у него была полная свобода, то есть отсутствие любых принципов и констант, кроме верности самому себе, – но именно она и объясняет интерес к нему современников (проникновенные статьи Андре Бретона и Робера Десноса в 1920-х) и потомков (многочисленные выставки и переиздания, в том числе и настоящего романа). «Самым замечательным его произведением было то, как он проводил своё время»: к Пикабия идеально подходят эти слова, сказанные о его друге Марселе Дюшане – таком же многообразном творце, бегущем раз и навсегда избранной стези, апологете полной свободы, творческой и личной.

О завершении работы над «Караван-сараям» Пикабия сообщает Бретону в письмах от 21 января и 1 февраля 1924 года. К этому времени он – признанный художник, известный не только своими картинами, но и теми скандалами, которые они вызывали и которые сам он удачно режиссировал, эпатируя то своих друзей-авангардистов, то светское общество, в котором также был своим («Художники, скажем так, высмеивают буржуазию; я же высмеиваю как буржуа, так и художников», – писал он в 1923 году). Поначалу шедшая споро работа над «большой формой» вскоре утомила этого мастера эпиграфов и афоризмов, стремительно увлекавшегося новыми идеями, но так же быстро к ним охладевавшего. Это растущее отвращение к собственному творению чувствуется в правке «Караван-сарая», которую начал Пикабия, систематически разлагая текст и начиняя его дадаистским дуракавалянием.

В мае с началом финальной правки для предоставления рукописи издателю совпала ссора Пикабия с сюрреалистами: группировка попрекала «старшего товарища» (Пикабия старше Бретона на 17 лет) коммерциализацией, тягой к наживе, чрезмерным увлечением светскими вечеринками, сотрудничеством с «буржуазной» балетной труппой Рольфа де Маре – и... «Караван-сараям»; сюрреалисты отвергали сам жанр романа (что выглядит иронично в свете последующих «Нади» и «Безумной любви» Бретона и других сюрреалистических романов). Пикабия же не терпел догматизма и авторитарности Бретона, а также групповой сплочённости и дисциплины складывавшегося тогда движения (в 1924 году выходит «Манифест сюрреализма»); ему претили попытки сюрреалистов вписаться в традицию, отыскивая себе ярких предшественников (Сад, Лотреамон, Рембо), и он считал их ведущие практики – гипнотические трансы и рассказы реальных снов – «надувательством», а свободные ассоциации слов – уже опробованными дадаистами и прежде всего им самим.

В этой перепалке Пикабия воскрешает излюбленный «рупор» своих идей – «дадаистский» журнал «391». Сюрреалисты отвечают как личными нападками, так и ударами «по касательной» – коллективный «Оммаж Пикассо» от 20 июня 1924 года, где тот провозглашался «творцом беспокойной современности», «вечным воплощением молодости» и «беспорным хозяином положения», был явной пощёчиной Пикабия, плохо переносившему чужую славу вообще и растущее преклонение сюрреалистов перед Пикассо – в частности.

Со схожей ревностью Пикабия наблюдал и за постепенным закреплением сюрреалистов (Бретон, Арагон, Элюар, Бенжамен Пере, Роже Витрак и Жак Барон) в качестве «законодатель мод» в респектабельном издательстве «Галлимар» и журнале «Нувель ревю франсэз», на публикации в которых он метил сам. Своего рода «последним ударом» тут стал в мае 1924 года отказ «Галлимара» и НРФ выпускать отдельным томом сборник критических статей Пикабия. При том, что он рассчитывал на помощь сюрреалистов в поиске издателя для «Караван-сарая» и в последующем продвижении романа, понятно, что после этой ссоры и этого отказа он начал побаиваться очередного провала, на сей раз с «Караван-сарая».

Помимо того, что на подготовку романа к печати наложились новые проекты Пикабия – прежде всего масштабный проект «Спектакль отменяется», «инстантанеистский» балет на музыку Эрика Сати для «Шведских балетов» Рольфа де Маре, – своего рода «приговором» «Караван-сарая» стала уже упоминавшаяся готовность Пикабия ринуться в любую новую авантюру: оборотной стороной такого энтузиазма часто становился отказ от работы, которая велась в тот момент. «Закончить» произведение для него было всё равно что «прикончить» его, да и то, что получалось из «Караван-сарая», несмотря на кропотливую работу, не всегда его удовлетворяло. В полемическом плане эстафету у романа принимала новая серия «391», а в эстетическом – «Спектакль отменяется» и снятая для него с Рене Клером короткометражка «Антракт». Именно они всё больше виделись Пикабия шансом взять реванш над Пикассо с его балетом «Меркурий» (1924) и над Бретоном с его друзьями-литераторами.

В итоге Пикабия бросает правку романа, да и она, как уже упоминалось, стала скорее саботажем тяжело давшегося и заранее отвергнутого друзьями текста. «Караван-сарай» канул в Лету – до далёкого июля 1971 года, когда прошло почти двадцать лет после смерти Пикабия. Канадский исследователь Люк-Анри Мерсье, бывший профессор университета Оттавы и автор ряда работ о живописи и фотографии, вместе с Жерменой Эверлинг, долгие годы спутницей Пикабия, разбирал тогда в Каннах её архивы для подготовки к публикации его писем. Объединив разбросанные по разным папкам и позабытые самой Эверлинг фрагменты, Мерсье получил почти полную машинописную копию романа: 140 нумерованных страниц (страницы 14–15 и 26–27 не найдены), на первых 29 страницах – та самая правка Пикабия (в машинописи есть и правка Эверлинг).

Заглавная страница гласила: «Франсис Пикабия. Караван-сарай, с предисловием Луи Арагона и фотопортретом автора работы Ман Рэя, 1924». Фотографией, как настаивает Мерсье, должен был стать снимок, надписанный Ман Рэем: «Франсису Пикабия на полной скорости. Ман Рэй, Канны, 1924», но есть и другие аналогичные фото начала 1920-х годов. Вместе с тем, никаких следов предисловия Арагона Мерсье обнаружить не удалось. На его запрос Арагон в письме от 10 марта 1973 года ответил: «О том, что я должен был написать предисловие для “Караван-сарая”, я узнаю от вас... В то время мы уже были с Пикабия в скверных отношениях (по его вине). Мне такого предисловия никто не заказывал, и я его не писал». Арагон лукавит или причина в его забывчивости: в архивах Жака Дусе есть письмо Арагона от февраля 1924 года, где он соглашается написать предисловие, но хочет сначала ознакомиться с текстом. Возможно, Бретон отговорил его от этой затеи после майской ссоры с Пикабия. Так или иначе, «Караван-сарай» был опубликован парижским издательством «Бельфон» в 1974 году, и в 1980-х годах тираж был уже распродан. При работе над настоящим переводом использовано переиздание, вышедшее в том же «Бельфоне» в октябре 2013 года.

«Караван-сарай» читается сразу на нескольких уровнях. Это и провозвестник вышедших в следующем году «Фальшивомонетчиков» Жида и многих последующих «романов в романе». Это своего рода «исповедь сына века» и дневник героических лет дада (Жермена Эверлинг вроде бы даже обращалась к этой рукописи при подготовке своих мемуаров в 1935 году), но также – кодированное и понятное лишь посвящённым сведение счётов, где реальные персонажи фигурируют то под своими реальными именами, то под вымышленными, а порой и так, и так (Жан Кокто – Жан Бабель, Робер Деснос – Дюмулен). Это сумма идей Пикабия на пороге 1924 года, времени публикации «Манифеста сюрреализма», но и идеальный антиманифест: его самого вообще часто называли «анти-всем», в том числе и анти-Пикабия. В романе он предлагает не систему взглядов, а искусство жить (ср. приводившуюся максиму о распорядке дня Дюшана), противопоставляя догматичной строгости Бретона неисправимую беспечность и утверждение собственной свободы. Как писал Люк-Анри Мерсье, «перед лицом наступающего сюрреализма “Караван-сарай” предстаёт последней битвой дадаизма или, по крайней мере, самого Пикабия, упрямого вольного стрелка и невыносимого персонажа, которого невозможно ни с кем спутать».

Сергей Дубин

Караван-сарай

1. Дерматин

.....
.....
.....
– Видите ли, дружище¹, корзина шишек мне лично всегда милее картины Рембрандта!²

Клод Ларенсе³, начинающий литератор и без пяти минут гений – к которому я и обратился, – казалось, был на грани отчаяния:

– Дорогой друг, – взмолился он, – давайте серьёзнее, позвольте дочитать вам мою рукопись: я никак не могу решить, стоит ли она хоть чего-то⁴, и мне нужно ваше откровенное⁵ мнение.

Похоже, ему действительно нужна была точка опоры. Он облокотился на диванные подушки, вернул разлетевшиеся листы в изящную голубую папочку⁶, на обложке которой красовалось название: «Омнибус»⁷, – и убедившись, что я сдался, продолжил чтение монотонным голосом пономаря:

Земля улыбалась надвигавшемуся июню, бутоны цветов почти распустились под лучами весеннего солнца, чирикающие в ветвях птицы уже вовсю вили гнёзда. По аллеям Люксембургского сада неспешно прогуливалась пара.

Она звалась мадам Мари-Мари, он был молод, но уже при ленточке Почётного легиона.

– Любимый, – молвила Мари, – голова просто кругом идёт от аромата цветов, но какие же замечательные стоят погоды!

– Мне нужно с вами переговорить, – ответствовал молодой человек, взволнованно поджав губы.

Девушка оперлась на ещё не зазеленевшее дерево и, казалось, не слышала его.

– Милая, – снова заговорил он после момента неловкого молчания. – Вы словно бы скучаете со мной, ума не приложу, отчего бы...

---

¹ «Дружище» зачёркн. при правке в тексте, сделанной впоследствии Пикабия и Жерменой Эверлинг. Замены и вставки – чаще всего машинописные и внесены автором, там же, где они сделаны от руки, указывается только правка Ж. Эверлинг.

² «Шишка» – журнал, единственный номер которого был выпущен Пикабия и Кристианом (наст. имя Жорж Эрбие, 1895–1969) в Сен-Рафаэле 25 февраля 1922 г. Рембрандт, синоним «большого» искусства, также может отсылать к проекту «реди-мейда наоборот», предложенному Марселем Дюшаном в 1916 г.: «Использовать картину Рембрандта в качестве гладильной доски».

³ В оригинале – Lareinsay, в котором звучит la gîncée, вода для полоскания, жидкая водичка. Имеется в виду, что он пишет «воду», – Клод Пустомеля. Во время правки здесь и в некоторых местах романа он заменён на «Клод Антракт» (т. е. «Клод между актами» или «Клод, входящий по ходу действия») – Ларенсе будет неоднократно врываться без предупреждения. «Антракт» – также название короткометражки по сценарию Пикабия, демонстрировавшейся в антракте «инстантанеистского» балета «Спектакль отменяется» (1924).

⁴ Зачёркн.: «я никак не могу решить, стоит ли она хоть чего-то».

⁵ Замена: «скрытное».

⁶ Эти две фразы переделаны следующим образом: «Похоже, ему действительно было нужно обрести уверенность в себе. Он вернул разлетевшиеся листы в пульверизатор».

⁷ Этим названием (омнибус – недорогой общественный транспорт) Пикабия «осуждает» и весь роман «Клода Пустомели» как рассчитанный на массовую публику. В правке замена: «Спектакль отменяется».

Они прошли ещё немного, юноша чувствовал себя скованно – ему казалось, что он заходит всё глубже в пронзительно холодную воду. Внезапно остановившись, он воскликнул: «Ну, конечно! Это музыка военного оркестра вдалеке: патриотизм, которым она напоена, так услаждает ваш слух!» Звуки марша становились всё ближе, и Поль-Поль⁸ – а это был именно он – также воодушевился: «Да ведь это “Марсельеза”, песнь Франции, гимн наших милых солдат!»⁹

В это мгновение по аллее к нашей паре ринулись трое щенков, своими скачками напоминавшие благородных девиц, предающихся нежным утехам посреди дышащего воспоминаниями луга; один из них, ещё совсем крошечный – весь белый с двумя чёрными пятнышками на глазу и у хвоста – уселся перед Поль-Подем и уставился на него: без страха, но вопрошающе, точно собака, ищущая пропавшего хозяина; завиляв хвостом, он твякнул¹⁰, словно в ожидании одобрения.

– Ну да, глупыш, – сказал ему Поль-Поль, – это я, твой первый хозяин. Дай Мадам лапку¹¹.

– Какой милашка! – проговорила девушка, наклоняясь. Но пёс отвернулся, бросился к остальным, и они унеслись, забавляясь и вторя шаловливым крикам славков в листве!

Замерев на месте, двое наших гуляющих провожали их взглядом, пока те не скрылись за живописным валуном. «Дорогая, – воскликнул Поль-Поль, – любите ли вы путешествия? Вам нравится Шотландия? Поедёмте же, прочь сомнения!»

Подобная просьба, кажется, её разочаровала. «К чему вообще куда-то ездить, – произнесла она вполголоса, – всё едино, разница лишь в том, какие строить планы: все страны на одно лицо, и тому, кто любит по-настоящему, путешествия претят».

Я понял, что конца этому не будет, и прервал его похвалой:

– Дорогой друг¹², всё это просто потрясающе, одновременно в стиле Луи-Филиппа¹³ и очень современно, есть даже некий привкус дада, придающий вашему произведению необходимую остроту – точно чеснок в баранине по-бретонски! Давно вы это всё написали?

– Нет, буквально намерен, но обдумывал годами¹⁴!

⁸ Возможно, здесь содержится намёк на Поля Элюара: поначалу он сотрудничал с журналом Пикабия «391», но с 1920 г. их отношения начали портиться.

⁹ Фрагмент переделан следующим образом: «Картошка улыбалась надвигавшемуся июню, бутоны цветов почти распустились под лучами весеннего солнца, дриставшие в ветвях птицы уже всюду вили гнезда. По аллеям Люксембургского сада неспешно прогуливалась пара. Она звалась мадам Мадам, он был молод, но уже при ленточке Командора Почётного легиона. – Любимый, – молвила Мари, – живот пучит от аромата цветов, но какой же дождь идёт! – Мне нужно с вами переговорить, – ответствовал молодой человек, взволнованно сжав ягодицы. Девушка оперлась на ещё не зазеленевшее дерево и, казалось, прекрасно слышала его. – Милая, – снова заговорил он после момента приятного молчания, – вы словно бы скучаете со мной, прекрасно понимаю, отчего... Они прошли ещё немного, юноша мучился запором – ему казалось, что он заходит всё глубже в дерьмо. Внезапно остановившись, он воскликнул: «Ну, конечно! Это запах военных вдалеке: патриотизм, которым она напоена, так услаждает ваше обоняние!» Запах становился всё ближе, и Поль-Поль – а это был именно он – также воодушевился».

¹⁰ Вставка: «и помочился на дерево».

¹¹ Вставка: «– и Поль-Поль стал сам мочиться на дерево».

¹² Замена рукой Эверлинг: «Мой дорогой».

¹³ Стиль Луи-Филиппа – стиль мебелировки и архитектуры во время правления Луи-Филиппа I (1773–1850), уютный буржуазный стиль, ставивший комфорт превыше эстетики. Замена: «Нерона».

¹⁴ Замена: «и обдумал накануне».

– Ах, как вы правы: порой одного слова достаточно¹⁵, чтобы выразить смысл всей жизни!

– Да, но какого слова?

– Какая разница – Навуходносор, если угодно, всё зависит от того, какое ему придать значение¹⁶! Всё остальное – лишь чувственность¹⁷, пустая трата времени; а уж вам известно, как мы дорожим временем, даже если потом тратим его без счёта¹⁸.

– Не соблаговолите ли, – осторожно вставил Ларенсе, – я продолжаю?

– О, нет никакой нужды, я уже знаю, чем кончится ваша книга: финал вы не преминете окутать покровом тайны поэтических чувств, оставив ваших читателей во власти чар неизъяснимого – единственного переживания, которое им ещё доступно; загадочность: вот нынче истинное искусство. Я, признаться, поступил бы ровно наоборот; для меня такая искушённая игра под стать неуместной шутке, и артистический склад ума даёт на выходе лишь эдакую манию, для описания которой сам собой просится жаргон психиатров¹⁹.

Начинающий автор не без иронии спросил меня, не считаю ли я, подобно некоторым, искусство заболеванием²⁰.

– Да нет же, вы не поняли. Если хотите, нет никакого искусства, как нет и болезней²¹ – есть лишь больные²²; но, помилуйте, не надо делать из меня критика. Те, кто рассуждает о творчестве других, предлагают лишь выхолощенные и отцеженные идеи – да и сито, через которое они их пропускают, должно быть стандартного размера, иначе такие идеи пройдут мимо моды и условностей. Эти люди втолковывают нам, что надо делать и почему, но подобный критический настрой разъедает искусство, точно ртуть – золото (чего, собственно, они и добиваются): потом её не вытравить из благородного металла и в самом жарком тигле²³. Видите ли, куда лучше вообще избавиться от всех критиков, сжечь их, а в идеале – и порвать с теми друзьями, у кого из всех дарований осталась лишь склонность к критике; что одни, что другие несут с собой лишь рукоблудие и импотенцию, высасывая из жизни последний воздух, от них за версту разит ризницей – и, поверьте мне, очарованием «Батюшкина сада»²⁴ тут вовсе²⁵ не пахнет!

Сейчас в моде эдакое беспричинное намеренное скотство – обрاملённое снобизмом, – люди хамят, просто чтобы нахамить: зачастую потому, что мало ещё прожили на этом свете и в глубине души попросту не способны любить – у одних просто отмер тот орган, которым любят, другие, наоборот, пользуются им как отмычкой, дабы пролезть вперёд остальных!..

Художники, литераторы, музыканты буквально молятся на искусство – точно аптекари на суспензию от изжоги²⁶, – они даже говорят о нём, мысленно изгибаясь в книксенах и реверансах!

Ларенсе²⁷, явно выведенный из себя, – не столько моими словами, сколько невозможностью продолжить чтение, – запальчиво перебил меня:

¹⁵ Замена: «Ба! Одного слова было бы достаточно».

¹⁶ Зачёркн. от «всё зависит...» до конца фразы.

¹⁷ Замена: «рефлексия».

¹⁸ Замена: «как нам нужно выиграть время, хотя мы потом его и теряем».

¹⁹ Зачёркн. от «загадочность: вот нынче...» в предыдущей фразе до конца абзаца.

²⁰ Вставка: «или религией».

²¹ После «нет никакого искусства» добавл. «нет религии».

²² Замена: «да и больных нет».

²³ Замена рукой Эверлинг: «и в тигле самой высокой температуры».

²⁴ Духи фирмы «Герлен», появившиеся в 1895 г.

²⁵ Зачёркн.: «вовсе».

²⁶ Далее до конца фразы текст зачёркн.

²⁷ Замена: «Антракт».

– Я решительно с вами не согласен; история не знала ещё столь плодотворной, бурлящей идеями и увлекательной эпохи, как наша; число учёных множится день ото дня, завязываются всё новые связи и немыслимые доселе контакты. Смотрите сами, японцы работают во Франции, а французы отправляются в Японию, у нас есть негритянские кабаре, а у негров наверняка пляшут белые. Не станете же вы спорить с тем, что все эти усилия, которым чужды любые границы, рано или поздно даруют нам нечто великое, замечательное, сравнимое по масштабу с искусством Пирамид!

– Быть может, но жизни в этом искусстве будет, как в замороженном бифштексе, – парировал я, – для того, кто обитает в мире искусств, внутренний мир – всё равно что безжизненный натюрморт: он навсегда заражён субъективностью, заданной самим его бездумным и полным условностей существованием; для таких умов рак, туберкулёз, сифилис – неизлечимые болезни, тогда как я единственной неизлечимой болезнью считаю смерть²⁸, все же остальные – вздорные выдумки, под стать письмам с траурной окантовкой или орденским ленточкам, которые отдельные персонажи носят в петлице, дабы внушить соседям уважение, а то и – ещё хуже! – зависть. Собственно, если бы в мире не было зеркал, думаете, Наполеону пришлось бы в голову учредить Почётный легион?

Но в наши дни не перевелись ещё такие люди, которые носят внутри себя такой пьедестал – крошечный, но каждым из трёх измерений у него – бесконечность. Эта порода не верит ни в Бога, ни в искусство, ни в болезни – ни даже в Почётный легион, ни в саму себя! Такие люди похожи на мыльный пузырь посредине всей этой бесконечности. И в один прекрасный день такой микроскопический пузырь лопнет, оставив, впрочем, людям, верящим в жизнь, зелёные, розовые и голубые брызги воспоминаний.

Кстати, я даже знаю одного такого человечка, который дни напролёт проводит на своём маленьком пьедестале, выпуская мыльные пузыри и силясь сам надуться таким пузырьком! У него есть прекрасная коллекция трубок от Гамбье²⁹, но за душой – ничего³⁰. Между ним и жизнью нет ничего общего, он лишь раскрошит свой кусок мыла «Кадум», и деятели искусств бросятся подбирать эти крошки, чтобы сварить из них не брусок, а целую буханку марсельского мыла, которой и будет кормиться их ограниченный разум. А тот пузырь, о котором я только что говорил, наполнен Любовью. В будущем же человеческие страсти будут распродавать по дешёвке, взвешенными и расфасованными на запчасти, в упаковке, почти скрывающей их суть – но непременно со штампом «одобрено руководством». Видите ли, милостивый государь, вы всё время косите в сторону Французской академии. Но как-то это всё очень недалеко: лучший друг – тот, что на горизонте, что ещё только придёт; я же один на белом свете чист душой и невинен, точно гильотина; и к чему бы моя душа ни лежала, я думаю о солнце, когда нежусь под его лучами, и о тени, когда захожу внутрь.

Вдруг поймав себя на том, что мой собеседник как-то давно меня не перебивал, я подошёл к романисту, чья возня в углу меня уже некоторое время занимала: каково же было моё изумление, когда я обнаружил, что тот, скинув ботинки и повернувшись ко мне спиной, отогревал ноги у батареи; в ответ на мой немой вопрос он огрызнулся: «Вот результат ваших разглагольствований: я насквозь продрог».

²⁸ Замена: «здоровье».

²⁹ Вставка: «он пыжится со своей шевелюрой».

³⁰ Фигурные глиняные трубки фирмы «Гамбье» курил и упоминал в своих стихах А. Рембо – но мишенью Пикабия (что подтверждает карикатура в одном из номеров «391») здесь скорее является А. Бретон, также не расставившийся с трубкой и поистине боготворивший Рембо. Весь персонаж «начинающего автора» Ларенсе отчасти вдохновлён Бретоном, про которого Пикабия (много старше его) говорил: «Он меняет личины, как меняют пару ботинок» (см. ниже эпизод с ботинками романиста). Штамп «одобрено руководством» в этом абзаце может отсылать к авторитарному «правлению» Бретона в группировке сюрреалистов. В правке этого фрагмента также содержится ещё одна аллюзия на Бретона с его «львиной гривой».

2. Мыльный пузырь

Из-за этого разговора я совсем припозднился: одна моя давняя подруга, Берта Бокаж³¹, ждала меня к ужину. Добрался я к ней уже около девяти и с удивлением обнаружил, что больше никого нет. Берта, само очарование, объявила, что ужинать мы будем с ней наедине: что ж, я не возражал. В то время я считал её одной из самых умных женщин, которых мне довелось знать. Её проницательность была инстинктивной, врождённой, а не взращённой в некоей модной лаборатории, наподобие тех, что встречаешь нынче повсюду, на светских раутах или эзотерических собраниях, на концертах, за кулисами театров или в залах заседаний³².

Моя подруга в изысканном вечернем туалете велела приготовить донельзя милый холодный ужин, что избавляло нас от перемены блюд и от услуг той секты индивидов, которые нас самих держат за рабов!

Наша очаровательная трапеза началась со всем тем воодушевлением и весельем, которым способны одарить друг друга два существа, испытывающие взаимную симпатию, свободную от каких-либо задних мыслей³³.

Я был знаком с ней уже около двадцати лет, и вот уже десять, как она не была моей любовницей: наши устремления так сильно разнились, что никаких сожалений или ревности³⁴ между нами и быть не могло.

Взгляды наши встречались и ныряли друг в друга с той полной откровенностью, без которой немыслима настоящая дружба³⁵.

– А вы счастливы? – спросила она меня вдруг.

Поскольку я с трудом мог бы сказать тогда, что вообще можно назвать счастьем, то переадресовал вопрос ей самой.

– Разумеется, я счастлива: мне больше нет дела до других, меня не трогают ни комплименты, ни уколы; и дело не в безразличии, я просто нахожу, что так удобнее существовать в среде моих современников.

Ещё совсем ребёнком я смастерила себе одну безделушку – просто чудо какое-то; мне не терпелось показать её всем друзьям, чтобы, восхитившись диковинкой, они бы и меня любили больше – но никому до неё и дела не было. Мне же она казалась восхитительной драгоценностью, несравненной и великолепной: мужчины, думалось мне, не в силах будут отвести от неё взгляд. Кое-кто из них действительно брал эту прелесть в руки, но, покрутив брезгливо, тотчас же спрашивал, где я взяла³⁶ этот уродливо слепленный каштан? Ах, сколько подобных фраз мне довелось услышать! Дошло до того, что, переполнившись отвращением и скукой, с ощущением нечеловеческого одиночества я, не дрогнув, забросила моё сокровище в море³⁷... Позднее я поняла, сколь малодушным и наивным был мой поступок – и сколь глупы надежды поделиться с другим существом, будь то мужчина или³⁸

<...>

---

³¹ Композитный персонаж, в основном вдохновлённый женой Пикабия Габриэль Бюффе (1881–1985, женаты 1909–1930), но также заимствующий черты и одной из его многочисленных пассий Жермены Эверлинг (они были вместе с 1917 по 1933 г.) – та «проявится» далее в ещё одном персонаже. Берта Бокаж, вместе с тем, является и альтер эго самого Пикабия: её отличает схожее отношение к жизни, и он вкладывает в её уста откровения, которые предпочёл бы не делать от первого лица (см. ниже о её детской поделке).

³² Вставка: «за кулисами театров, в залах заседаний или в барах».

³³ Весь абзац зачёркн.

³⁴ Замена: «никаких сожалений, ревности или соперничества».

³⁵ Фраза зачёркн.

³⁶ Замена рукой Эверлинг: «где я вообще взяла».

³⁷ Замена: «в уборную».

³⁸ Следующие две страницы оригинальной машинописи (13 и 14) не найдены.

казаться нежной и благоухающей духами!

– Да нет, никакой это не пессимизм! Возьмите хотя бы вот эту куропатку: она бесподобна, спору нет, просто тает во рту; но подайте мне куропатку театральную – как декорации, из картона, – и вы поймёте, почему я откажусь её даже попробовать! Меня воротит от картона и от декораций в целом – они отдают дешёвизной, убожество какое-то. То же можно сказать и о нашей стране: она стара, ей не хватает огонька, она всё ещё цепляется за мнимую сентиментальность импотента.

Французы того и гляди вновь примутся верить в Бога – им и так по душе лишь Неизвестные солдаты, так приятно поплакать у них на могилке. Любую силу, всякую настоящую, реальную энергию они стремятся растоптать, порвать в клочья, упрятать, сдать в камеру хранения!

Но человек не появляется из ничего; если вы ищете гениальность, вам понадобится грядка, чтобы её взрастить: но наша земля, по крайней мере в настоящее время, полностью истощена. Мы слишком напичкали её химическими удобрениями, все подлинныe микробы тут вымерли, так что приходится штамповать поддельные! Вот он, триумф скальпеля и возгонки: мозги получают новую жизнь на операционном столе, но сердца валяются бесхозными в зрительском амфитеатре! Вокруг развелось столько фальшивых гениев, что появившись вдруг хоть один настоящий, никто бы его не признал, и толпа, на уме у которой лишь мода, подняла бы беднягу на смех.

– Однако если это будет настоящий гений – а значит, и реальная энергия, – то не войдёт ли он автоматически в моду?

– Как бы не так; я однажды провёл опыт: вылил огромную склянку духов в сточную канаву, где облегчается всяк, кто проходит мимо, – так вот, никто не прибежал, восклицая: «Надо же, как тут хорошо пахнет!» Люди не замечали ничего нового, настолько они привыкли к былому запаху³⁹.

– Ах, прошу вас, – прервала меня хозяйка, – увольте; подобные речи лишь укрепляют вашу репутацию человека пресыщенного, которого ничем не удивишь. Вы, мой бедный друг, считаете себя толстокожим – но поверьте мне: точно губка, вы впитываете всё, что носится в воздухе, и легко увлекаетесь, а ваша впечатлительность может лишь вызвать улыбку!

– А вы, насколько же вы остаётесь женщиной: курите, коротко стрижётесь, водите машину – и принимаете всё это за неуязвимость! Конечно, до мужчин вам нет и дела; женщинами вам нравится командовать; а дети, когда они вам попадаютсЯ, годны лишь на то, чтобы обводить их вокруг пальца – им легко внушить, что у вас есть сердце. Но ваш эгоизм вас не защитит, вы так же тщеславны, как и все вокруг, и, вопреки всем вашим заверениям, я-то знаю, что вы точно так же уязвимы!

«И не кажется ли вам, – добавил я со смехом, – что мы с вами должны быть поистине добрыми друзьями, если подобные реплики никак не вредят нашим отношениям? Наверное, всё потому, что мы с вами до дна испили чашу как ссор, так и наслаждений, нас уже ничто не берёт; я даже порой задаюсь вопросом, почему мы продолжаем видеться?»

Ей эта мысль, должно быть, также приходила в голову, поскольку ответила она не задумываясь⁴⁰:

– Да только потому, сдаётся мне, что есть в нас некое жестокосердие – мы оба получаем удовольствие, разглядывая остальных, и видим их буквально насквозь!. Кстати, этому наслаждению мы сможем предаться и сегодня вечером, поскольку, если хотите знать, у меня на вас планы – поедem к одним моим друзьям: им не терпится с вами познакомиться! Пора уже отвлечься, хватит всех этих бесплодных разговоров⁴¹.

---

³⁹ Рукой Эверлинг переставл. слова: «они настолько привыкли к былому запаху».

⁴⁰ Вставка: «долгим молчанием, после чего добавила: мне надоели эти бесплодные разговоры».

⁴¹ Весь абзац зачёркн.

– Всё вокруг бесплодно, – возразил я.

– Вовсе нет – ну или, по крайней мере, не всё вызывает у меня мигрень!

– Что ж, прекрасно – вечер в баре! Ведь мы, надо думать, едем в какой-то бар?

Берта Бокаж улыбнулась:

– Да: сегодня вечером я повезу вас на открытие Негритянского бара⁴²!

– А кто там будет из наших? Не люблю сюрпризов.

– О, скучать не придётся – например, будет Генриетта Фиолет: вечно молода, вечно разведена, флиртует со всеми напрапалую; душа нараспашку, правда, не любит, когда лезут под рубашку.

– Да, я хорошо с ней знаком. Помню даже, нас с отцом пригласили к ней на свадьбу, и он отпустил там довольно неожиданное замечание. Весь день папа, близко знакомый с родителями невесты, выглядел подавленным, и на вопрос: что его так тревожит, ответил, что у него нейдёт из головы обилие дохлых мух⁴³ в парадном зале ратуши!

– Вот ведь действительно незаурядный человек – а какое чувство юмора!

– Не сказал бы – но он действительно себе на уме: если что задумает, никакие пертурбации его от этой идеи не отвлекут.

– Вы, мой друг, кажется, в этом на него похожи?

– Что вы хотите, мы, кубинцы⁴⁴, все такие: синее небо, пальмы и приятный зной лишают тамошние умы способности воспринимать вещи позитивно⁴⁵. На Кубе жители красят дома в розовые, лазурные или салатные тона: на солнце они слегка выцветают, но не теряют от того своего очарования. Я на Кубе никогда не был, а потому, как кубинцы с домами, обхожусь с идеями: что за наслаждение – раскрашивать чёрные мысли лазурью⁴⁶! Здесь, кстати, они выцветают не под солнцем, а под дождём.

– Да вы сегодня поэт, мой дорогой!

– Ах, нет, увольте: вам известно, что я на дух не выношу поэтов.

– Отчего же?

– Отчего? Почём мне знать: их жизнь, о которой обыкновенно судачат на каждом углу, кажется мне лишённой всякого интереса. Захлёбываясь от восхищения, рассказывают, что один из них во что бы то ни стало пытался прожить на пять медяков в день, каковые к тому же исправно ходил выпрашивать на паперти⁴⁷. Мне от этого ни тепло, ни холодно; меня мало занимает творчество других, а уж их жизнь – и того меньше⁴⁸; что с того, что один художник возвращается к мольберту по сто пятьдесят раз⁴⁹, а иной схожую работу может сделать за полдня? Все эти маргиналии раздражают меня больше самих произведений! Я знаю, что для многих, наоборот, жареный факт из жизни художника – приправа, помогающая смаковать и переваривать всё, что он произвёл: но это как если бы, оценивая достоинства скакуна, вы пытались выяснить, любил ли он свою мать⁵⁰!

---

⁴² Автор отсылает к «Негритянскому балу», знаменитому в эпоху «безумных двадцатых» антильскому кабаре и джаз-клубу в квартале Монпарнас, завсегдатаем которого, наряду со многими тогдашними писателями и художниками, был Пикабия.

⁴³ Вставка Эверлинг: «возлежавших».

⁴⁴ Отец Пикабия был кубинцем из семьи знатных испанских эмигрантов.

⁴⁵ Замена: «продуманно».

⁴⁶ Вставка: «при условии, что раскрашиваешь их бессознательно».

⁴⁷ Имеется в виду Жермен Нуво (1851–1920), франц. поэт, «духовный брат» Рембо – как и Рембо, заново открытый сюрреалистами; им в особенности восхищались Бретон и Арагон.

⁴⁸ «Пикабия было наплевать на всё, что не касалось его... Если он и спрашивал мнение друзей или знакомых, то лишь затем, чтобы затем его раскритиковать»: так говорил о Пикабия поэт-сюрреалист Жак Барон (1905–1986).

⁴⁹ Имеется в виду П. Сезанн.

⁵⁰ Это «камешек в огороде» психоанализа и увлекавшихся теориями З. Фрейда сюрреалистов; Бретон лично посетил «венского профессора» в 1921 г.

Впрочем, хватит всех этих вязких дискуссий – в глубине души я знаю, вы со мной согласны; становится поздно, если вы действительно хотите поспеть к вашим друзьям...

Когда я помогал ей накинуть пальто, Берта Бокаж воскликнула:

– Ах, да! Я чуть не забыла: у Негров будет один начинающий автор, мне его представили накануне – он во что бы то ни стало хотел напроситься сюда, ко мне, читать роман, над которым сейчас работает; я ему назначила встречу в баре, в полночь. Клод Ларенсе⁵¹ – слышали такого? ...Увы, слышал – и ещё как!..⁵²

---

⁵¹ Замена: «Клод Антракт».

⁵² Два варианта замены: 1) «да, да, да»; 2) «ну да».

3. Непреходящая ингаляция

Когда мы вошли в бар – на тот момент самое модное место в столице, – я различил в толпе множество знакомых лиц, впрочем, как всегда, одних и тех же: весь этот мелкий парижский люд, охочий до славы. Вокруг зашептали моё имя, но Берта уже увлекала меня к заранее заказанному столику, прямо рядом с оркестром. Музыканты, предсказуемо отвечая на шум толпы, исполняли самую тихую музыку, которую мне только доводилось слышать; вместе с тем время от времени один из негров, от долгого пребывания в Париже выцветший до загорелого марсельца, испускал истошный вопль. Молодая особа, которой меня едва представили, разоткровенничалась: «Вот ведь действительно зверского обличья люд – но какие поразительные личности; говорят, характер у них на диво покладистый. Вам не кажется?»

Прежде чем я успел ответить, к нашему столику подошли две пары, должно быть, друзья Берты: высокая блондинка, довольно хорошенькая, с нитью фальшивого жемчуга и двумя рядами восхитительных зубов⁵³ (или наоборот, я уже не помню); спутник её⁵⁴ своей изысканностью походил на продавца галантерейного магазина. Двое других выглядели не так блистательно: мужчина силился отпускать комплименты остроумию окружающих, а его жена, после шумевшего развода только что снова вышедшая за него, натянуто славila доброту, ум и утончённость новообретённого супруга⁵⁵.

Своим чередом появилась и «дьявольски милая» Генриетта Фиолет⁵⁶: её усталый вид выдавал женщину, которая обычно выбивается из сил, ещё не встав с кровати.

Крупный мужчина, принадлежавший, как мне сказали, к уже не существовавшему Двору, поклонился ей и пригласил танцевать; моя соседка, блондинка в жемчугах, при взгляде на него ставшая положительно пунцовой, призналась мне, стоило Его Светлости отойти, что при виде этого человека её охватывает необоримое желание выковырять ему глаза булавками – как обычно извлекают из раковин морских улиток!

Я попытался её успокоить. В этот момент через толпу к нам протолкался некий причудливый персонаж – несмотря на вечерний костюм, под мышкой он сжимал тоскливый портфель чёрной шагрени: это был не кто иной, как Ларенсе⁵⁷! Делать было нечего, мы нашли ему место за столом, и он вытащил свой манускрипт.

– Знаете, я после давешней нашей встречи много думал, – заявил он мне, – два часа кряду не вставал из-за стола и хотел бы представить на ваш суд внесённые изменения и в особенности добавленную главу.

– Давайте, может, главу, вкратце, – отвечал я, подавляя раздражение, – а уж изменения как-нибудь после.

Понизив голос, он начал:

С тех пор он существовал в состоянии непреходящей галлюцинации, он грезил наяву, точно курильщик опия⁵⁸. пышность его воспоминаний могла сравниться лишь с великолепием его нынешней скорби. Сочетание богатого воображения и материальной бедности было невыносимо. Теперь, зная, что

---

⁵³ Предыдущая часть абзаца переделана: «Я ответил ей нелепой игрой слов: терпеть не могу уксус, мадам. Высокая блондинка, довольно хорошенькая, присела к нашему столику; её украшала нитка фальшивых бриллиантов и восхитительные зубы».

⁵⁴ Замена: «этой женщины».

⁵⁵ Фраза зачёркн.

⁵⁶ Замена: «Генриетта Пипи».

⁵⁷ Замена: «Антракт».

⁵⁸ Фраза, проясняющая ироничное название главы, отсылает (разумеется, с насмешкой) к двум ключевым для сюрреализма практикам: гипнотическим трансам и рассказам о реальных снах.

первый день месяца он проводил у зелёного сукна, Мари вряд ли могла удивляться тому, что уже на пятый он оставался без средств и не мог явиться к ней. Что ж, это простительно, не так ли? Но она сердилась на него за поспешные откровения, мешавшие ей теперь лгать Полю. Она полулежала на диване – так, что голова оставалась в тени, и он не мог видеть страдания у неё на лице: впрочем, и сам он то и дело проводил рукой по лбу, гадая, не померещилось ли ему всё накануне; в конце концов, выведенный из себя неловкостью ситуации, он резко бросил ей:

– Почему ты не отвечаешь? Вертишься на диване, точно уж на сковородке!

– Почему?

– Да, почему?

– Ты хочешь знать, почему? Что ж, к чертям всю эту мнимую стыдливость: поговорим начистоту. Я так больше не могу! Правду говорят: картёжника могила исправит, и деньги, что ты просишь у меня, только глубже загоняют тебя в долги. Оставь меня, я хочу побыть наедине; да, правда, уходи.

Лицо его исказили гнев и отчаяние:

– Уйти, – воскликнул он, – и оставить тебя ему! Тогда как ты сама...

Он был ещё так молод...⁵⁹

Я положил руку на плечо романиста:

– Мы с вами выбрали неудачное место для чтения, я почти ничего не слышу – но чувствую, какие эмоции переполняют ваши строки... Довольно читать – возвращайтесь-ка к письму, голубчик. Ступайте тотчас же домой, ночью так хорошо работается!

Он отправился восвояси, обуреваемый одновременно гордостью и беспокойством, – но распрощался при этом со всеми довольно надменно.

Негритянская музыка, позволившая стольким ничтожествам сойти за новаторов, вот уже некоторое время обволакивала и баюкала меня: казалось, что под плечами, руками, головой у меня вырастали уютные подушки. Право слово, она всё милее, чем наши несчастные оркестрики, которые раз за разом наигрывают вам «Трубадура» или «Кармен»! Да и потом, блюз напоминал мне об Америке⁶⁰ – так что вскоре я уже начисто позабыл Ларенсе.

Я, вместе с тем, был удивлён, не увидав в этом заведении ряд знаменитостей, без которых, как правило, не обходился ни один вернисаж; поразмыслив, я решил, что они, должно быть, просто не решились покинуть другой клуб, в котором обыкновенно блистали! Моя спутница наверняка думала о том же самом: склонившись ко мне, Берта Бокаж прошептала:

– Надо же, Жан Бабель⁶¹ куда-то подевался.

---

⁵⁹ В ходе правки фрагмент переделан: «С тех пор он существовал в состоянии галлюцинации, он грезил наяву, точно чистильщик опия. Пышность его воспоминаний могла сравниться лишь с великолепием его нынешней скорби. Сочетание бедного воображения и материальной бедности было невыносимо. Теперь, зная, что первый день месяца он проводил у зелёного сукна, Мари вряд ли могла удивляться тому, что уже на пятый он оставался без средств. Что ж, это простительно, не так ли? Но она сердилась на него за поспешные откровения, мешавшие ей теперь мыть ноги. Она полулежала на диване – так, что голова оставалась портретом, и он не мог видеть страдания у неё на лице: впрочем, и сам он то и дело проводил рукой по промежности, гадая, не померещилось ли ему всё накануне; в конце концов, выведенный из себя неловкостью ситуации, он резко бросил ей:– Почему ты не отвечаешь? Вертишься на диване, точно уж, совокупляющийся со шмелём!– Почему?– Да, почему?– Ты хочешь знать, почему? Что ж, к чертям все ягодицы: поговорим начистоту. Я так больше не могу! Правду говорят: блядуна могила исправит, и деньги, что ты просишь у меня, только глубже загоняют тебя в блядки. Оставь меня, я хочу побыть наедине; да, правда, уходи. Лицо его исказили гнев и отчаяние:– Уйти, – воскликнул он, – и оставить тебя ему! Тогда как ты сама... Он был ещё так молод...»

⁶⁰ Пикабия трижды побывал в США: в 1913 г. на Оружейной выставке в Нью-Йорке, в 1915-м по пути на Кубу, где он должен был купить партию патоки – но куда так и не добрался, – и в 1917 г. по случаю выхода трёх нью-йоркских номеров «391».

⁶¹ Имеется в виду Жан Кокто, яркая фигура франц. авангарда и любимец модных кафе, в этом качестве – соперник

– Вы что же, расстроены? Я знаю, он кажется вам забавным и интересным.

– Интересным, да, но, как правило, куда меньше, чем те, кого он передразнивает; он одарённый жонглёр – такое впечатление, что на носу у него балансирует рояль. Но если убрать декорации, станет видно, что шито это всё белыми нитками! Терпеть не могу нитки вообще, и тех, кто за них дёргает, в частности.

– Да, нитки и перевязывание пакетов я оставляю приказчикам – но вот нож, чтобы эти верёвки перерезать, у меня всегда с собой!

– Да вы, похоже, ревнуете – или просто не в духе?

– Допустим, но странно, что вы мне на это пеняете. Не вы ли сравнивали сильную половину человечества со стаей шакалов, подбирающих объедки за караванами?

– Бывают шакалы прирученные, они на диво послушны! А это что за прекрасное создание там, у входа? Никак, Ивонна Паве⁶²! Вот кто и в девяносто будет прекраснее своих двадцати! Поговаривают, она была любовницей какого-то дадаиста.

– Не верьте всему, что слышите; но кто это с ней?

– Гласс, американец.

– Какой такой Гласс?

– Вы не знаете Гласса?

– Никогда бы не подумал, что бывают такие имена!

Они искали глазами свободный столик. Ивонна хотела танцевать со всеми неграми по очереди, так что вскоре мы остались без оркестра; Глассу тогда пришла в голову блестящая идея усестись за пианино и заиграть «У меня в табакерке восхитительный табак»⁶³.

Рядом с нами зашептали новое имя – и действительно, в толпе появился Пьер Морибон, автор последней горячей новинки «Яичники – открыты всю ночь»⁶⁴. У него за спиной вырос ещё один молодой человек, который⁶⁵

<...>

собирался уходить, но она попросила меня сполоснуть несколько оставшихся от ужина тарелок, объяснив, что для пущего спокойствия отправила прислугу по домам, а потому уборкой теперь должны заниматься любовники.

Пикабия. «Штаб-квартирой» Кокто было кафе «Гайя» на улице Дюфо, соседнее и соперничающее с дадаистской «Сертой» в пассаже Оперы – что обыгрывается в предыдущем абзаце. В диалоге ниже Берта Бокаж отсылает к реальным талантам Кокто как пародиста-имитатора.

⁶² Равée – *франц.* «вымощенная», т. е. Ивонна Мостовая. Возможно, имеется в виду Мари де ля Ир (1878–1925), знакомая и биограф Пикабия.

⁶³ Популярная *франц.* песенка, авторство которой приписывается аббату де Латеньяну (1697–1779).

⁶⁴ Moribond – *франц.* «умирающий». Имеется в виду Пьер Моран (1888–1976), *франц.* писатель, автор серии новелл «Открыто всю ночь» (1922–1951). Каламбур, основанный на созвучии *ovaires* и *ouvert*, принадлежит Марселю Дюшану.

⁶⁵ Следующие страницы рукописи (26 и 27) утеряны.

4. Прочь

Повесив трубку телефона, я тотчас вскочил в такси и приказал отвезти меня к мадам ХХ на проспект Булонского леса. Этаж – последний – мне указал мой юный друг Пьер де Массо⁶⁶. Что ж⁶⁷, я, не медля, позвонил – дверь открылась сама собой: никакой горничной за ней не было (с некоторым беспокойством я вспомнил тут его рассказ о необходимости самому мыть за собой посуду!). Моим взорам предстала квартира, лишённая всякой мебели; вместе с тем на каждой из дверей висела голубая эмалированная табличка, указывавшая предназначение комнаты, которая за ней скрывалась⁶⁸.

Так, на стене прихожей, в которой я стоял, красовалась надпись «туалет»! Я прошествовал затем мимо «столовой», «гостиной» – поистине крошечной⁶⁹ каморки, – затем «кухни», «спальни» и так далее. Наконец я добрался до последней двери – на этот раз безо всякой таблички – и постучал; как и входная, она распахнулась сама, и взгляду моему предстало престранное зрелище: по стенам вокруг всей комнаты под микроскопическими стеклянными колпаками⁷⁰ красовались миниатюрные копии – точно макеты декораций – гостиной с мебелью XVIII века, современной столовой, позолоченной ванной и дальше в том же духе; венчал эту причудливую коллекцию полностью обставленный кукольный домик. Подняв глаза, в углу комнаты я увидел огромный камин: его вытяжка служила одновременно балдахином кровати – почти вровень с полом, – а на ней возлежала дама, «без которой я больше не мог жить».

По виду хозяйки, моё появление её ничуть не смутило: она безо всякой жеманности указала мне на место подле себя и, заметив, что украдкой я невольно поглядывал на её вычурную инсталляцию, принялась описывать её искусность, удобство и практичность, после чего спросила:

– Когда же вы повезёте меня на прогулку в вашем авто? Что вы вообще рассчитывали сегодня делать?

– Почём мне знать; а вы?

Воцарилось долгое молчание, мы оба избегали друг друга взглядом. Я чувствовал, что мыслями она была далеко, и мне начинало казаться, что эта женщина всегда чуть в стороне от той стороны, где любил находиться я!

Все поступки в жизни она, должно быть, репетировала в уме, её впечатлительная натура несла на себе отпечаток чьего-то судьбоносного влияния, от которого в голове у неё зажглись звёзды некоей мнимой Большой медведицы, а зверям обычно нет дела до всяких там любовных абстракций.

Она вдруг взяла меня за руки и, посмотрев прямо в глаза, сказала:

– Знаете, я – женщина, не терпящая обиняков.

Что за дурацкое вступление! Я чувствовал, как меня всё больше охватывало разочарование – казалось, мне подсунули гнилой фрукт, который, оплывая, принимал очертания сердца.

⁶⁶ Вся фраза при последующей правке зачёркн. Франц. писатель Пьер де Массо (1900–1969) – а именно он был «молодым человеком» из предыдущей главы – член парижской группировки дада и некоторое время – сюрреалистов; входил в ближний круг Пикабия. Возможно, с него также списаны некоторые черты Ларенсе – делая первые шаги в литературе, он так же ни на шаг не отходил от своего кумира Пикабия. В «Караван-сарай» именно персонаж де Массо знакомит лирического героя Пикабия с героиней этой главы Розиной Отрюш (Hauteruche), а брак с ней Ларенсе в конце книги может напоминать об уходе «реального» де Массо за Жерменой Эверлинг – эту параллель подтверждает и карикатура на де Массо в одном из номеров «391», где тот оседлал страуса, *франц. autruche*, что отсылает к имени этой героини в романе.

⁶⁷ Зачёркн.: «Что ж».

⁶⁸ Зачёркн., начиная с «с некоторым беспокойством» в предыдущей фразе.

⁶⁹ Вставка рукой Эверлинг: «миниатюрной».

⁷⁰ Замена: «в крошечных коробочках».

Какая там загадочность – я словно обнаружил на месте облаков ключья пыли из-под кровати! Думаю, на шляпку любой провинциалки смотреть было бы приятнее, чем на это отполированное существование, столь далёкое от всего, что меня обычно привлекало. Но останавливаться на полпути не в моих правилах, и я предложил этому причудливому созданию тотчас отправиться со мной на прогулку в авто.

Мы немедленно поймали такси⁷¹ и отправились в гараж за моей машиной; шофёр нёсся с поистине головокружительной скоростью, каждую секунду уворачиваясь от неминуемых аварий; когда мы наконец добрались целыми и невредимыми, моя спутница спросила, не было ли мне страшно?

– Ещё как было, – ответил я, скрыв от неё, что в глубине души я жаждал столкновения! Авария мгновенно избавила бы меня от этой случайной попутчицы, уничтожив и её, и меня, и навсегда покончила бы с той тревогой, что превратила меня в неизбежного невротика.

Мы зашли в гараж, где посреди исполинских лимузинов я в конце концов отыскал мою изящную машинку. После нескольких осечек с зажиганием мотор оглушительно взревел, мы расположились под беличьими покрывалами и выехали было в город, однако мой болид, обыкновенно без труда выжимавший сто пятьдесят в час, взобрался по улице Роше лишь ценой немалых усилий; моя спутница сухо обронила, что прогулка со мной оказалась куда менее опасной, нежели поездка в такси! «Не вы одна мне это говорите», – отрезал я.

Пришлось вернуться в гараж; я знал, что там работает один механик, превосходно разбиравшийся в автомобилях этой марки. Приняв ключи, он заверил меня – сцепление будет исправлено за двадцать минут. Я вернулся в приёмную предупредить мадам ХХ и обнаружил, что она поглощена беседой с усевшимся на старых покрывках молодым человеком, в котором не без удивления узнал Ларенсе. Он вскочил мне навстречу и затараторил как ни в чём не бывало:

– Дорогой друг, я был у вас с визитом, но мне сказали, что вы, должно быть, отправились прогуляться в авто. Наудачу я отправился сюда – какое же счастье найти вас, да ещё и в компании Розины Отрюш⁷²!

Так я узнал имя моей попутчицы.

– Действительно, редкая удача, – процедил я, – но если вы явились сюда с намерением читать вашу рукопись, то, поверьте, сейчас никак не время, мы уезжаем и...

– Ну дайте я хоть стихотворение вам прочту – оно ваше, я отыскал его сегодня утром, разбирая бумаги.

Моя избранница подошла к нам и также настаивала на чтении стихов.

Ларенсе извлёк из жилетного кармана портсигар, вытащил оттуда несколько сложенных листов папиросной бумаги и прочёл с каждого по четыре строчки, объявив вначале название:

РОНДЕЦ КРЫСЫ-ДАДА

Первый из мужчин
Был первым парнем на деревне
А у его Евы
Капелька духов на груди
Ветер уносит лепесток

---

⁷¹ Весь пассаж до стихотворения зачёркн.

⁷² Помимо черт Жермены Эверлинг (также «входящей» в Бертю Бокаж), моделью для этого персонажа отчасти могла также стать рус. – франц. певица Ханя Рутчин, часто бывавшая в салоне Пикабия и Эверлинг на улице Эмиль-Ожье; среди прочих её подпись фигурирует на картине Пикабия «Мышьяковый глаз» (1921).

Точно любовь – иллюзии
В сырую ночь
И взгляд наш застилают слёзы
Взгляните – там вдали цветок
Что звенит колоколом на ветру
Мужчина и женщина расцарапали друг другу лица
И у них родился⁷³ ребёнок
Его глаза были⁷⁴ позолочены любовью
Как же они сияли⁷⁵
Через несколько дней
Ребёнок сорвёт цветок-колокольчик
И всё начнётся заново

– Надо же, это мои стихи? – обратился я к Ларенсе. – Они совершенно вылетели у меня из головы, так что могу оценить их как беспристрастный слушатель: поистине великолепно!

– Хотите ещё одно?

– Если угодно.

Он снова принялся читать:

ПИПИ

Нет ничего лучше тайны
Тайна походит на малину
Малина же – на ночь
И ночь – на день
А день напомнил мне невесту
Невесту, точно вокруг шеи жемчуга
Жемчуг – та же драгоценность
Драгоценность – что твоё дитя
Дитя сродни сну
А сон похож на Бога
Это я знаю наверняка

Романист выудил из портсигара новые листки, его было не остановить; Розину, похоже, происходящее также немало забавляло. Ларенсе продолжал:

НОЧЬ

Ночь засыпает за горизонтом
Прядка твоих волос
Точно ночь
О берегись любимая
Грядёт час, когда солнце

---

⁷³ Замена: «рождается». Здесь и далее в машинописи вся правка сделана рукой Эверлинг.

⁷⁴ Зачёркн.: «были».

⁷⁵ Замена: «сияют».

Набросится на тебя
Луна выпцвцетает на солнце
Когда оно взмывает по небосклону
Его свет тешит зевак
Мне же⁷⁶ нужны лишь твои поцелуи
Ночь засыпает за горизонтом

Я по-прежнему не мог припомнить этих бредней⁷⁷; самое большее, отыскать какие-то черты моего стиля! Вот уж действительно, таких лирических высот я за собой не знал! Ларенсе, расплывшись в улыбке, в итоге признался:

– Послушайте, не сердитесь, я вас разыграл: это мои стихи, но скажи я так вначале, вы ни за что не согласились бы их послушать⁷⁸; у вас всегда такой отсутствующий вид, так что я уж прибегнул к такой уловке, дабы привлечь ваше внимание. Вот, взять хотя бы прямо сейчас – вы словно за сотни вёрст отсюда: не будет ли нескромностью спросить, о чём вы думаете?

– Ничуть: я думаю о мысли. Наша мысль абсолютна в тот момент, когда мы думаем, она существует сама по себе, она выходит за любые рамки, сталкиваясь со всем остальным, что также выходит за рамки, она пускается в свободное странствие и становится предметом некоей идеи. Идея же является передаточным звеном между объектом и химическими трансформациями в нашем мозге.

Синий, зелёный, красный – иными словами, все цвета спектра – являются международно признанными объектами, однако в формировании идеи они не участвуют: им, подобно велосипеду, присуща цикличность! Содержимое мысли может принять обличье идеи в руках того, кому под силу ухватить её на лету.

Я увидел, как от сказанного мной глаза у Ларенсе буквально закатились внутрь; никогда ещё его белки не были столь выразительны! Он словно пытался отыскать внутри себя антитезу, которой мог бы меня срезать: не найдя её, он заговорил со мной о пятне у него на спине. Но тут – весьма кстати – пришли доложить, что моя машина готова.

Мы с Розиной отправились прочь, покинув литератора, который всё ещё подавал нам какие-то знаки: махал на прощанье, что ли?

Мотор зарычал, и мы рванули по улицам Парижа, не остановившись даже заплатить подорожную. Никакой возможности сбросить передачу, мы летели вперёд без передышки и через несколько часов, к полуночи, были уже в Марселе. Эта бешеная скорость и тот постоянный риск, который она с собой несла, сблизил меня с этой женщиной больше, чем могли бы привязать все годы, проведённые рядом; нас объединила важность того, что мы оба поставили на карту. Насколько всё-таки верно, что рутина лишь отдаляет людей друг от друга, тогда как непредвиденное со всеми своими опасностями способно сплотить их ещё больше. Наутро мы двинулись дальше, в Монте-Карло, где тут же устремились в казино! Моя спутница уселась к рулетке и выиграла пятьсот тысяч франков, поделившись со мной половиной! Уверен, именно вызванное вечерним выигрышем возбуждение сделало последующую ночь любви – первую для нас! – поистине незабываемой. Эта женщина, которую я слегка презирал и которую считал ниже себя, доказала мне, что существо, порочное во всех отношениях, превзойдёт того, кто просто умён.

---

⁷⁶ Зачёркн.: «же».

⁷⁷ По некоторым свидетельствам, Пикабия забывал содержание номеров «391» уже через неделю после их публикации.

⁷⁸ Замена: «услышать».

Назавтра Розина Отрюш пожелала во что бы то ни стало посетить со мной выставку картин в поддержку жертв карточного стола; придя в восторг от полотна Кормона⁷⁹, она провозгласила: «Какая жалость, что вы не пишете таких картин! Вот была бы прелесть!» Эта фраза порадовала меня, доказав, что и за мной водится грешок – страсть выражать неосязаемость предположения. Предположением – незримым, но ощутимым – наполнено всё, что нас окружает: как же нам хочется верить в возможность произведения, созданного по смехотворному подобию вещей, которые никто никогда не видел!

На выходе из зала я остановился перед одной из последних картин Мари Лорансен⁸⁰: вот ведь женщина, способная заработать на жизнь что кистью, что рулеткой! Напротив висел Пикассо – как и портной Рибби⁸¹, ещё один мастер обращения с холстиной⁸².

Моя подруга заявила:

– Решительно, живопись вам претит?

– Она наводит на меня скуку, граничащую с отвращением.

– Природа тоже вас отталкивает, в путешествии вы ни за что не хотите остановиться, осмотреть окрестности...

– Всё это я уже давно видал, и в природе меня занимает только солнце. А что если нам отправиться в Канны⁸³?

Она согласилась.

Мы прибыли в город довольно рано, так что, переодевшись, решили поужинать в казино. Стояла самая роскошная в Каннах пора, февраль: космополиты постепенно вытеснили случайных гостей ноября (рассчитывающих, что в это время «будет подешевле»), зябких «декабристов», бегущих из Парижа с наступлением первых холодов, и, наконец, кротких владельцев всех этих вилл, приезжающих в январе «хоть чуток насладиться» своей собственностью прежде, чем сдать её англичанам.

Тех же, кто приезжал сейчас, совершенно не интересовали целебные воды или мимозы в цвету: из всех процедур им была прописана только баккара – правда, для многих такое лечение оказывалось весьма радикальным!

В итоге публика на субботнем гала-ужине подобралась в особенности блестящая.

Поджидая Розину в холле, я наблюдал за прибывающими дамами, закутанными в песцовые или шиншилловые мантильи: всё-таки они неповторимо охватывают фигуру! Такое впечатление, что под мехами у них вздымались вторые ягодицы – так негритянки Дагомея носят на спине детей, подхваченных платком!

В гардеробе вымуштрованные лакеи освобождали их от драгоценных накидок. Я был удивлён, что они не представляли взору совершенно нагими, облачёнными лишь в нити жемчуга. Индийским заклинателям змей мы можем противопоставить заклинательниц драгоценностей.

Наконец, по лестнице с уверенной осанкой спустилась Розина Отрюш – на её тонких и утомлённых губах играла надменная улыбка, которой, как я уже понял, она неизменно встречала общество других женщин.

---

⁷⁹ Фернан-Анн Кормон (1845–1924) – франц. художник, автор картин на экзотические, исторические и батальные сюжеты. В 1890-х гг. (в 1894-м или 1895-м, по разным источникам) Пикабия занимался на частных курсах в мастерской Кормона.

⁸⁰ Мари Лорансен (1883–1956) – франц. художница спутница и муза Г. Аполлинера; в частности выставилась с кубистами из «Золотого сечения», к которым одно время принадлежал Пикабия. Они были дружны, она сотрудничала с «391», а Пикабия продвигал на выставках её картины и написал несколько её «механоморфных» портретов – что не мешает ему в этом пассаже высмеивать её «остепеневшийся» и финансово успешный псевдокубистский стиль 1920-х гг.

⁸¹ Ателье готового платья на Больших Бульварах.

⁸² Пикабия, плохо переносивший чужую известность, явно завидует растущей популярности Пикассо – в том числе воодушевлению, с которым его приняли сюрреалисты.

⁸³ Пикабия обосновался в Каннах в конце 1924 г.

Мы спустились в ресторан: за одним из столиков сидели Шеналь⁸⁴ и Миляга Сэм⁸⁵. Проходя мимо, я услышал, как Сэм говорил: «... Что за жизнь! Мне надоели эти ужины, которыми вас пичкают целый день напролёт. По мне, так я уж сам за себя заплачу!» Чуть поодаль напыщенный своей музыкой Рейнальдо Ан⁸⁶ напоминал воздушные шары, что раздают в ресторанах по вечерам, но которые сдуваются уже к трём утра.

Вскоре появился Пуаре⁸⁷ в костюме бегонии. Вошедший за ним Вольяно был сковородкой.

Метрдотель хлопотал вокруг Анри де Ротшильда⁸⁸ – к счастью, туговатого на ухо, – и Анри Летелье⁸⁹, вечно ищущего новую позу, способную напомнить предыдущую. Морис Ростан⁹⁰ посреди всей этой толпы выглядел куском мыла в ванной – знаете, такие розовые мыльца, ловко подпрыгивающие на поверхности воды? Так приятно опустить их на дно – с каким изяществом они выскакивают обратно! Ван Донген⁹¹, крошечный гигант, богемный холстомаратель на потребу светских дам, рисуемый с ловкостью карточного шулера, был обеспокоен скудностью меню. Ж.-Г. Домерг⁹², непревзойдённый мастер вульгарности, оценивал грунтовку своих последних эскизов. За его столиком сидела Сара Рафаль⁹³ с глазами сиамской птицы – вечно грустная из-за того, что пропустила эпоху Кранаха и его нагих натурщиц.

Джазмены наслаждались диссонансами оркестра, откуда с позором был изгнан даже намёк на какой-то ритм – танцующие пары никак не могли попасть в такт! С шага сбивались даже сновавшие между столиками официанты.

Графиня Триплъ⁹⁴, стройная блондинка, на мгновение подозвала меня к себе:

– Мы с княжной Шапо⁹⁵ устраиваем поздний ужин – постарайтесь непременно быть; как, я вижу, вы не один? Разумеется, приводите и вашу спутницу. Но, право слово, – добавила она вполголоса, указывая на Розину, – где ты подобрал это создание? Экая мразь...

– У «Картъе», – отвечал я, – проходил как-то по рю де ля Пэ⁹⁶!

Я вернулся к моей подруге, которая была уже не одна: Ларенсе, прибывший в Канны тем же вечером, читал, усевшись на моём месте!

⁸⁴ Марта Шеналь (1881–1947) – франц. оперная певица-сопрано, с 1920 г. – близкая знакомая Пикабия, который любил появляться с ней в свете, шокируя тем самым своих друзей-дадаистов и сюрреалистов, не терпевших истеблишмент и в особенности не переносивших популярности Шеналь в патриотических и реваншистских кругах (она прославилась исполнением «Марсельезы» 11 ноября 1918 г. на ступенях парижской Оперы, завернувшись во франц. флаг).

⁸⁵ Жорж Гурса, по прозвищу Сэм (1863–1934) – франц. художник-иллюстратор, карикатурист и светский хроникёр.

⁸⁶ Рейнальдо Ан (1874–1947) – франц. композитор родом из Венесуэлы. Прославился, в частности, исполнением своих песенок в парижских салонах.

⁸⁷ Поль Пуаре (1879–1944) – франц. кутюрье, известный своими эксцентричными моделями; конкурент Жака Дусе, покровительствовавшего постимпрессионистам, дадаистам и сюрреалистам (о нём см. примеч. 129).

⁸⁸ Генри де Ротшильд (1872–1947) – франц. предприниматель, филантроп и драматург; Марта Шеналь была его любовницей, так что для Пикабия действительно было бы лучше, чтобы Ротшильд был глух и слеп.

⁸⁹ Анри Летелье (1867–1960) – франц. общественный деятель, одно время глава редакции «Газеты» (Le Journal), перешедшей от республиканских взглядов к националистической, крайне правой и профашистской позиции. Позднее – мэр Довиля, неподалёку от Онфлёра, где летом швартовал свою яхту Ротшильд.

⁹⁰ Морис Ростан (1891–1968) – франц. поэт, писатель и драматург, старший сын драматурга Эдмона Ростана; один из наиболее видных геев в обществе межвоенных десятилетий.

⁹¹ Кеес ван Донген (наст. имя Корнелис Теодор Мари ван Донген, 1877–1968) – франц. (голл.) художник-фовист, знаменит, в т. ч. своими светскими портретами; известны его многочисленные стычки с дадаистами и с Пикабия в частности.

⁹² Жан-Габриэль Домерг (1889–1962) – франц. художник, автор китчевых композиций, часто портретов обнажённых женщин.

⁹³ Сара Рафаль – франц. танцовщица кабаре и киноактриса.

⁹⁴ Имеется в виду баронесса Жанна Дубль; известна её фотография 1914 г. с Пикабия, его сыном Винсенте и с Эверлинг.

⁹⁵ Шареау – франц. «шляпа». Скорее всего, Пикабия имеет в виду княжну Мюрат, супругу вторым браком князя Жозефа-Иоахима-Наполеона Мюрата.

⁹⁶ Улица в Париже между Вандомской площадью и Оперой, где сосредоточены ювелирные мастерские, роскошные магазины и отели класса люкс.

- Я требую от вас великой жертвы.
- Какой же.
- Вы католик – перейдите в иудаизм⁹⁷.
- Как, вы хотите, чтобы я отрёкся от веры моих предков?
- Именно, дружище: я этого и добиваюсь.

Он пролистнул несколько страниц и продолжил:

Свадьба с крайней поспешностью была сыграна несколькими днями позже в Лондоне, и молодая женщина последовала за супругом в Голландию. Во время высадки, пока пара считала свои чемоданы, за спиной у них послышался сухой кашель. Мари охватило нехорошее предчувствие: обернувшись, она оказалась лицом к лицу с высоким смуглым мужчиной; его бегающие глазки искрились странным блеском. Она прижалась к Поль-Полю, забыв в то мгновение всё то, что её в нём удручало, и мысленно держась лишь за то, что их связывало, но человек уже затерялся в толпе. Мари сказала себе, что, должно быть, обозналась, и к ней вернулись её былой апломб и дурное настроение.

– Послушайте, – сказал я, – милейший друг, дайте же нам поужинать. Ещё раз, ваш роман великолепен. В издательстве «Алло» у вас его с руками оторвут⁹⁸ – вместе с тем, каждое чтение на публике только придаёт ему свежести; смотрите-ка – вон вас уже ждут друзья⁹⁹, ступайте к ним.

Заверив, что прибыл на Ривьеру исключительно с целью повидать меня, Ларенсе всё же согласился оставить нас в покое, сообщив на прощанье, что среди прочих также зван вечером к княжне.

Ещё какое-то время поглазев на танцующих, в ожидании ужина мы отправились играть в баккару – ведь где ещё страсть неизменно идёт по нарастающей? В зале царил оживление; там даже появился господин на велосипеде, весьма благообразного вида – хоть и в лёгком подпитии; с криком «Коррида!» он бросил на стол сто луидоров. Крупье спросил его, сдавать ли карту: «Спускайте собак, – отвечал тот, открыв свои девять и шепнув крупье: – Главное, ни слова королеве-матери!» – исчез. Мне пояснили, что это известный в узких кругах барон: в клубе ему как инвалиду войны всё сходило с рук! Порой тому случалось выкидывать поистине неопишуемые коленца – так, однажды он вытащил из ширинки искусственный фаллос и, опустив его на сукно, пометил тем самым свою ставку!

Я в свою очередь уселся напротив чрезвычайно ухоженного господина в орденах – он попадался мне во всех известных казино, в Довиле, Биаррице, Экс-ле-Бене, где обычно проигрывался в пух и прах, с остервенением перебивая все ставки; я выиграл у него триста луидоров. Он, казалось, был в отчаянии и сказал мне, грустно улыбаясь:

– Что ж, Дугласа Фэрбенкса я увижу ещё не скоро!

Видя моё недоумение, он пояснил:

– Я играю, чтобы позволить себе пойти в кино, для меня это – самая большая радость; увы, выигрываю я от силы раз в десять дней, а то и две недели, так что пропускаю все новые серии «Человека в одноглазой маске»¹⁰⁰.

---

⁹⁷ Намёк на обращение в католицизм франц. поэта и художника Макса Жакоба (1876–1944), еврея по рождению. Ср.: «Все евреи стали католиками, а католики – иудеями» (Ф. Пикабия, «Пильвау-Тиббау», 1921).

⁹⁸ Зачёркн.: «у вас».

⁹⁹ Зачёркн.: «вас».

¹⁰⁰ Следов такого фильма или сериала обнаружить не удалось. Учитывая предыдущее упоминание Дугласа Фэрбенкса, можно было бы предположить параллели с фильмом «Человек в железной маске», где актёр играет Д'Артаньяна, однако эта лента была сделана в 1929 г., уже после выхода «Караван-сарая». Пикабия мог видеть в его этой роли в фильме 1921 г. «Три

Я попытался втолковать ему, что куда резоннее было бы не играть, а ходить каждый вечер в кино.

– Ну нет, – отвечал он, – куда приятнее осознавать, что билет в день выигрыша достаётся мне бесплатно.

Рядом со мной уселся подтянутый, холодный и надменный англичанин; лакей поспешил к нему с пепельницей, но стоило ей оказаться на столе, как мой сосед подскочил вне себя от ярости. Выяснилось, что пепельницы, поставленные справа, приносили ему неудачу, так что он не захотел оставаться ни минуты дольше и не стал даже забирать поставленные деньги! Один из директоров-распорядителей рассыпался в извинениях за оплошность недавно нанятой прислуги. Мне как-то рассказывали о некоей даме, до того суеверной, что выиграть она, по её мнению, могла, лишь поужинав макаронами! Ужас ситуации состоял в том, что она терпеть не могла мучного!

За нашим столом сидел и Клод Фаррер, могучий и вздорный повелитель морей¹⁰¹: пока сдавали карты, он рассказывал, что накануне вечером к нему явились сразу пять призраков, вооружённых косами и пистолетами: «Я немедленно обратил их в бегство, заявив, что призраков не бывает!»

Роггерс тогда поставила пять луидоров на карту своего супруга, но, само собой, проиграла...

Что же до Розины Отрюш, то ей по-прежнему везло; она только что выиграла четыре тысячи франков у Пьера Вольфа¹⁰² – того на мгновение отвлекла одна из присутствующих дам, и он ко всеобщему неудовольствию покрыл не той картой, впрочем, немедля утешившись очередной остротой. Я посоветовал Розине остановиться на достигнутом, если она всё ещё хотела купить несколько так понравившихся ей шляпок...

Мы вернулись в ресторан, столы уже были накрыты, но из гостей мы пришли первыми. Несколько минут спустя появилась и хозяйка вечера в сопровождении своей близкой подруги Жюльет Фланель. Княжне Шапо, единственной и международно неповторимой, была знакома лишь одна жизнь – её собственная; проживала она её с усердием и, вынужден признать, определённой элегантностью. Короткие волосы, напоминавшие картофельную соломку, обрамляли лицо учительницы из школы полублагородных девиц; пальцы её украшали драгоценные мужские перстни, и она имела обыкновение – как я не раз мог воочию убедиться – весьма соблазнительно поглаживать ими фишки для баккары. По правде сказать, она мне нравилась, меня привлекала её ничем не скованная жизнь – я находил её куда честнее и изящнее существования стольких женщин, использующих хорошенькое личико как приманку для мужчин – или других женщин, – и силящихся придать ему отпечаток темперамента и страстей, которых в нём не было и в помине; кто-то действительно попадался на подобный буржуазный колорит, за которым, по сути, нет ничего, кроме снобизма и стремления не остаться незамеченной.

С княжной, кстати, был связан и случай из моей жизни: однажды вечером, когда мне в особенности не везло в картах, я почувствовал у себя на плече чью-то руку; обернувшись, я увидел Шапо: та протягивала мне монетку в пять франков! «Возьмите, – сказала мне она, – эта монета приносит удачу, я как-то одолжила её испанскому королю, и он выигрывал весь вечер». Монета оставалась в моём распоряжении два дня, но выигрыш ко мне так и не шёл – княжна, напротив, за эти два дня разбогатела на двадцать пять тысяч франков. Верить в талисманы, впрочем, я не перестал; один мой знакомый, русский, не способен выиграть, если рядом с ним на сукне не стоит ночной горшок слоновой кости!

мушкетёра». До 1924 г. вышли три фильма про «человека в железной маске», но без Фэрбенкса.

¹⁰¹ Клод Фаррер (наст. имя Фредерик-Шарль Баргон, 1876-1957) – франц. морской офицер и писатель, член Французской академии, автор «экзотических» романов в духе П. Лоти. Ниже упоминается его жена, актриса «Комеди Франсэз» Генриетта Роггерс (1881–1950).

¹⁰² Пьер Вольф (1865–1944) – успешный франц. драматург, а также либреттист водевилей и оперетт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.